

Ф. Н. ПЛЕВАКО

ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ

Том 1

Вступительная статья Г. М. Резника

Книга доступна в электронной библиотечной системе  
[biblio-online.ru](http://biblio-online.ru)

Москва ■ Юрайт ■ 2017

УДК 34  
ББК 67.7  
П38

**Плевако Ф. Н.**

П38 Избранные речи. В 2 т. Том 1 / Ф. Н. Плевако ; вступит. ст. Г. М. Резника. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 327 с. — Серия : Антология мысли.

ISBN 978-5-534-02756-3 (т. 1)

ISBN 978-5-534-02757-0

Федор Никифорович Плевако (1843—1908) — видный русский адвокат и политический деятель, участник крупных уголовных процессов в конце XIX — начале XX века. Считался одним из лучших русских ораторов, которого современники прозвали «московским златоустом».

Защитительные речи, вошедшие в сборник, являются образцом не только судебного красноречия и ораторского искусства, но и примером ловких адвокатских трюков и остроумных выходов, нередко спасавших клиентов от грозившей кары.

*Для адвокатов, работников прокуратуры, следователей, аспирантов, преподавателей, всех, кто интересуется историей российской юстиции.*

УДК 34  
ББК 67.7



*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».*

ISBN 978-5-534-02756-3 (т. 1)  
ISBN 978-5-534-02757-0

© Резник Г. М., вступительная статья, 2007  
© ООО «Издательство Юрайт», 2017

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>РЫЦАРЬ ПРАВОСУДИЯ. Вступительная статья Генри Резника .....</b>	<b>5</b>
<b>ДЕЛО ИГУМЕНЬИ МИТРОФАНИИ,</b> обвиняемой в подлогах, мошенничестве, в присвоении и растрате чужого имущества .....	44
<b>ДЕЛО Н. А. ЛУКАШЕВИЧА,</b> обвиняемого в убийстве мачехи .....	66
<b>ДЕЛО КОСТРУБО-КАРИЦКОГО,</b> обвиняемого в краже и изгнании плода .....	98
<b>ДЕЛО А. И., Н. И. и М. Д. НОВОХАЦКИХ,</b> обвиняемых в лишении свободы сестры, вымогательстве денежного обязательства и подлоге .....	124
<b>ДЕЛО БУЛАХ,</b> обвиняемой в причинении с корыстной целью расстройства умственных способностей Мазуриной .....	146
<b>ДЕЛО БРАТЬЕВ БОСТРЕМ,</b> обвиняемых в ограблении присяжного поверенного Гольдсмита и вымогательстве у него документов .....	170
<b>ДЕЛО СУПРУГОВ ЗАМЯТНИНЫХ,</b> обвиняемых в вымогательстве векселей .....	183
<b>ДЕЛО ПЕРВУШИНЫХ,</b> обвиняемых в уничтожении духовного завещания .....	198
<b>ДЕЛО ГОРНШТЕЙНА И ДРУГИХ,</b> обвиняемых в поджоге .....	205
<b>ДЕЛО А. Ф. МОРДВИНА-ЩОДРО И КНЯЗЯ А. Д. ОБОЛЕНСКОГО,</b> обвиняемых в растрате 16 лошадей .....	212
<b>ДЕЛО Ф. И. МЕЛЬНИЦКОГО</b> по обвинению в растрате казенных денег и М. Ф. Литвинова в преступлении по должности .....	224
<b>ДЕЛО МАРУЕВА,</b> обвиняемого в подлоге .....	233

## СОДЕРЖАНИЕ

---

<b>ДЕЛО РОСКОВШЕНКО И ДРУГИХ,</b> обвиняемых в подлоге векселей.....	243
<b>ДЕЛО ГАВРИЛОВА И БЕКЛЕМИШЕВА,</b> обвиняемых в подделке билетов Государственного Казначейства .....	252
<b>ДЕЛО БРАТЬЕВ АЛЕКСАНДРА И ИВАНА ПОПОВЫХ,</b> обвиняемых в мошенничестве .....	277
<b>ДЕЛО ОБ ИСКУССТВЕННЫХ АВАРИЯХ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ</b> (Франческо и др.) .....	287
<b>ДЕЛО САВВЫ ИВАНОВИЧА МАМОНТОВА И ДРУГИХ,</b> обвиняемых в злоупотреблениях в обществе Московско- Ярославско-Архангельской железной дороги.....	302

## РЫЦАРЬ ПРАВОСУДИЯ

20 ноября 1864 года изданы Судебные Уставы императора Александра II. В том же, 1864, году двумя месяцами раньше юридический факультет Московского университета окончил выходец из небогатой чиновничьей семьи Федор Плевако.

Через много лет прославленный русский адвокат Федор Никифорович Плевако в одну из годовщин издания Судебных Уставов скажет: «Уставы созданы не для карьеры судей и прокуроров, не для довольства и роскоши адвокатов; они — для водворения правды на Руси».

Судебная реформа 1864 года коренным образом преобразила всю систему правосудия Российской империи. Уставы ввели принцип независимости и несменяемости судей; установили подсудность всего населения без каких-либо изъятий; отделили предварительное следствие как от полицейского сыска, так и от прокуратуры; обеспечили состязательность судебного процесса, полностью уравнив в правах стороны обвинения и защиты. Сердцевину реформы составили учреждение суда присяжных и создание свободной, отделенной от государства адвокатуры.

Россия — полуфеодалная страна с глубоко вьевшимися во все поры общества крепостническими отношениями, с режимом неограниченной абсолютистской власти, страна, лишенная парламента и Конституции, — неожиданно получает самую демократическую, самую прогрессивную форму организации судебной власти. И в новом суде перед самостоятельно решающими судьбу обвиняемых народными представителями сразу же зазвучали голоса российских адвокатов.

Их судебные речи воспринимались как чудо; со времени закрытия Псковского веча в XVI веке во всей России на три столе-

тия утвердился безгласный, письменный процесс, обходившийся без публичного состязания сторон обвинения и защиты.

«Откуда явилось столько талантливых, знающих и честных людей, сразу сумевших освоиться с новыми, незнакомыми формами судопроизводства, возвысить судебное дело и судейское звание»<sup>1</sup>, — изумлялся историк русского права.

Спасович и Арсеньев, Александров и Андреевский, Урусов и Карабчевский, Герард и Боровиковский, Пассовер и Гаевский — среди плеяды блистательных судебных ораторов, рожденных Великими реформами, Плевако занял особое место. Его имени еще при жизни суждено было стать нарицательным для обозначения судебного красноречия, он приобрел необычайную популярность во всех слоях русского общества, став в Москве, по его собственному шутливому сравнению, такой же достопримечательностью, как «Царь-пушка» или «Царь-колокол».

Популярность, известность, слава... Далеко не всегда венчают они самых достойных. Популярность оратору может принести заигрывание с массами, умелое разжигание страстей и предрассудков. Известность адвокату — участие в «громких» процессах. У славы может быть дурной, скандальный привкус.

Напоминаю о прихотливости успеха вот почему. С именем Плевако связано множество легенд, оно обросло разного рода невероятными историями и анекдотами, сводящимися к тому, как умело одурачивал адвокат в судебных процессах тупых судей и доверчивых присяжных. В определенной мере формированию образа профессионального Насреддина способствовали некоторые коллеги-юристы и биографы Плевако.

Авторы ряда жизнеописаний и воспоминаний отмечали, что Плевако «не был выдающимся юристом»<sup>2</sup>, что он «мало читал»<sup>3</sup>, поверхностно готовился к выступлениям, был нередко поспешен в суждениях, приспособлялся к потребностям данного момента<sup>4</sup>. По утверждению известного русского адвоката В. Маклакова, Плевако так и не удалось развить имевшиеся у него задатки не-

<sup>1</sup> Джанишев Г. А. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. С. 426.

<sup>2</sup> См.: Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 158.

<sup>3</sup> Там же. С. 162.

<sup>4</sup> См.: Тимофеев Л. Г. Судебное красноречие в России: Критические очерки. СПб., 1900. С. 152.

сравненного стилиста<sup>1</sup>. Приплюсуем к этим недостаткам упоминаемый А. Ф. Кони идущий вразрез с призыванием оратора «пришепетывающий голос»<sup>2</sup>.

Поневоле начнешь думать, что единодушно отмечаемое всеми завораживающее, магическое воздействие речей Плевако и на судей, и на адвокатов, и на публику, та власть, какую приобретал оратор над аудиторией, объясняется главным образом неким гипнотическим даром вызывать у слушателей приступы «доказательственного дальтонизма».

«Он был мастером красивых образов, — вспоминает Б. С. Утевский, — каскадов громких фраз, ловких адвокатских трюков, остроумных выходок, неожиданно приходивших ему в голову и нередко спасавших клиентов от грозившей кары». И продолжает: «Примером этого была защита Плевако владелицы небольшой лавчонки, полуграмотной женщины, нарушившей правила о часах торговли и закрывшей торговлю на 20 минут позже, чем было положено, накануне какого-то религиозного праздника. Заседание суда по ее делу было назначено на 10 часов. Суд вышел с опозданием на 10 минут. Все были налицо, кроме защитника — Плевако. Председатель суда распорядился разыскать Плевако. Минут через 10 Плевако, не торопясь, вошел в зал, спокойно уселся на месте защиты и раскрыл портфель. Председатель суда сделал ему замечание за опоздание. Тогда Плевако вытащил часы, посмотрел на них и заявил, что на его часах только пять минут одиннадцатого. Председатель указал ему, что на стенных часах уже 20 минут одиннадцатого. Плевако спросил председателя:

— А сколько на ваших часах, Ваше превосходительство?

Председатель посмотрел и ответил:

— На моих 15 минут одиннадцатого. Плевако обратился к прокурору:

— А на ваших часах, господин прокурор? Прокурор, явно желая причинить защитнику неприятность, с ехидной улыбкой ответил:

— На моих часах уже 25 минут одиннадцатого.

Он не мог знать, какую ловушку подстроил ему Плевако и как сильно он, прокурор, помог защите.

---

<sup>1</sup> См.: Утевский Б. С. Воспоминания юриста. С. 159.

<sup>2</sup> См.: Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1980. С. 434.

Судебное следствие закончилось очень быстро. Свидетели подтвердили, что подсудимая закрыла лавочку с опозданием на 20 минут. Прокурор просил признать подсудимую виновной. Слово было предоставлено Плевако. Речь длилась две минуты. Он заявил:

— Подсудимая действительно опоздала на 20 минут. Но, господа присяжные заседатели, она женщина старая, малограмотная, в часах плохо разбирается. Мы с вами люди грамотные, интеллигентные. А как у нас обстоит дело с часами? Когда на стенных часах — 20 минут, у господина председателя — 15 минут, а на часах господина прокурора — 25. Конечно, самые верные часы у господина прокурора. Значит, мои часы отставали на 20 минут, и поэтому я на 20 минут опоздал. А я всегда считал свои часы очень точными, ведь они у меня золотые, мозеровские. Так если господин председатель, по часам прокурора, открыл заседание с опозданием на 15 минут, а защитник явился на 20 минут позже, то как можно требовать, чтобы малограмотная торговка имела лучшие часы и лучше разбиралась во времени, чем мы с прокурором?

Присяжные совещались одну минуту и оправдали подсудимую.

Такие трюки действовали не только на присяжных заседателей, но и на судей»<sup>1</sup>.

Остроумному приему, примененному Плевако для опровержения обвинения, действительно стоит поаплодировать. Но это отнюдь не трюк, превративший черное в белое, истинное в ложное. Эффектная форма защиты ярко высветила недоказанность обвинительного тезиса: преступными уголовный закон признавал лишь умышленные, а не неосторожные нарушения правил торговли. Умысел подсудимой прокурором как раз не был доказан, что убедительно продемонстрировал в своей речи адвокат.

Точно так же следует расценить защитительную речь по другому уголовному делу, часто приводящуюся как пример воздействия Плевако на присяжных, оправдывающих людей, вина которых установлена.

Старушка украла жестяной чайник стоимостью менее 50 коп. Она как потомственная почетная гражданка была предана суду присяжных. Прокурор решил обезоружить адвоката и сам выска-

---

<sup>1</sup> Утецкий Б. С. Воспоминания юриста. С. 159–161.



зал все, что можно было сказать в защиту подсудимой: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но собственность священна, все гражданское благоустройство держится на собственности, и, если позволить людям посягать на нее, страна погибнет.

Поднялся защитник Плевако. Он сказал: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенег терзали ее, половцы, татары, поляки. Дванадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет, безвозвратно»<sup>1</sup>. И суд оправдал старушку. Находчивость адвоката восхищает. Но за язвительной иронией Плевако нужно видеть правовую суть его полемики с обвинителем. Неотъемлемое свойство преступления – общественная опасность. Если деяние формально подпадает под норму уголовного закона, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, оно преступлением не является. Адвокат блестяще парировал попытку прокурора внушить присяжным, что кража старушкой старого чайника обладает общественной опасностью.

Остроумие, находчивость, способность мгновенно отреагировать на реплику противника, ошеломить аудиторию каскадом неожиданных образов и сравнений, к месту проявленный сарказм – все эти качества действительно с избытком и блеском демонстрировал Плевако. Безусловно, они способствовали росту славы адвоката – на Руси всегда ценились красное словцо и сметливость.

Но главное в другом. И читатель, уверен, поймет в чем, прочитав речи Плевако, вошедшие в настоящий сборник. Это речи высочайшего класса юриста-профессионала, глубокого психолога, проникающего в сокровенные тайники человеческой души, знатока общественных нравов и быта разных социальных слоев. В них звучат преданность идеям свободы и права гражданина-демократа, гордость и боль истинного патриота России, любовь и страдание христианина и гуманиста.

---

<sup>1</sup> Вересаев В. В. Соч. Т. 4. М., 1961. С. 357.

И не только поймет, но, надеюсь, ощутит, как когда-то А. Ф. Кони, что лучшие из речей Плевако «блистают не фейерверком остроумия, а трещат и пылают, как разгоревшийся костер»<sup>1</sup>.

Разгадка славы Плевако проста: он был обыкновенный гений. Гений судебного красноречия, гений судебной защиты. Гениальность всегда несет в себе загадку, до конца проверить алгеброй ее гармонию нельзя.

Вот молодой адвокат Плевако выступает в качестве поверенного гражданского истца на шумевшем процессе игуменьи Митрофании-святоши, посвятившей себя преступному промыслу — подделке ценных бумаг. Русский язык богат: можно выбрать сильные и точные слова, чтобы заклеить преступление. Но сказано было так: «...Путник, идущий мимо высоких стен Владычного монастыря, вверенного нравственному руководству этой женщины, набожно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома божьего, — а в этом доме утренний звон подымал настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела!

Вместо храма — биржа; вместо молящегося люда — аферисты и скупщики поддельных документов; вместо молитвы — упражнение в составлении вексельных текстов; вместо подвигов добра — приготовление к ложным показаниям, — вот что скрывалось за стенами...

Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не было видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители»<sup>2</sup>.

А вот на скамье подсудимых состав правления Харьковского Общества Взаимного Кредита, обвиняемого в халатном исполнении служебных обязанностей. Вновь Плевако — поверенный гражданского истца. Нет в его словах благородного гнева и негодования, клопочущих в речи по делу Митрофании. Но сколь убийственна его мягкая, «понимающая» ирония.

«Что же делали члены правления?

Они дремали в часы бодрствования и труда. Кажется, они приходили в банк не для того, чтобы трудиться и трудом купить себе право на домашний отдых, а, уставши от домашнего труда, приходили отдыхать в уютные комнаты правления! Они ленились изучать дело...; они, наконец, не умели следить за делом!

<sup>1</sup> Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1980. С. 436.

<sup>2</sup> Речи известных русских юристов. М., 1985. С. 352.

Лень, и сон, и простота — эти прекрасные качества, которыми наделяет судьба некоторых из своих избранников, — конечно, не проступок, и всякий может в своей личной жизни пользоваться сколько угодно своими дарами; но когда лень берется за общественный труд и портит его, когда сон берется стеречь стражу, когда простота хватается за решение серьезных общественных дел, — они делаются преступными».

По делу о массовых беспорядках на Коншинской мануфактуре Плевако произносил заключительное слово солидарной защиты нескольких десятков привлеченных к суду рабочих. Шел 1897 год. Социальные психологи только приступили к научному изучению группового поведения. С тех пор проблема массовых движений — в центре неослабного внимания социальных исследователей. Многие сотни работ посвящены осмыслению психологии революций, погромов и бунтов. Но вряд ли кому-либо удавалось всего в нескольких фразах с такой силой и образностью схватить суть феномена толпы, соотношения личности и массы.

«Толпа — стихия, ничего общего не имеющая с отдельными лицами, в нее вошедшими.

Толпа — здание, лица — кирпичи. Из одних и тех же кирпичей созидается и храм Богу, и тюрьма — жилище отверженных. Пред первым вы склоняете колени, от второй бежите с ужасом.

Но разрушьте тюрьму, и кирпичи, оставшиеся целыми от разрушения, могут пойти на храмоздательство, не отражая отгалкивающих черт их прошлого назначения...

Как ни тяжело, но с толпой мыслимо одно правосудие — воздействие силой, пока она не рассеется...

Толпа сама чудовище. Она не говорит и не плачет, а галдит и мычит. Она страшна, даже когда одушевлена добром. Она задавит, не останавливаясь, идет ли разрушать, или спешит встретить святыню народного почитания.

Так живое страшилище, спасая, внушит страх, когда оно, по своему нежничая, звуками и движениями сзывает к себе своих детенышей.

Быть в толпе — еще не значит быть носителем ее инстинктов...

Толпа заражает, лица, в нее входящие, заражаются. Бить их — это все равно, что бороться с эпидемией, бичуя больных».

И тут же из этой поразительной по глубине и образности обобщающей характеристики следует неотразимый аргумент защиты — несправедливость затеянного властями судебного процесса становится пронзительно ясна всем:

«Есть у настоящего дела громадный недочет, — люди жизни его понимают.

Совершено деяние незаконное и нетерпимое, — преступником была толпа.

А судят не толпу, а несколько десятков лиц, замеченных в толпе.

Это тоже своего рода толпа, но уже другая, маленькая: ту образовали массовые инстинкты, эту — следователи и обвинители.

Заразительность толпы продолжает действовать. Помня, что проступки совершены толпою, мы и здесь мало говорим об отдельных лицах, а все сказуемые, наиболее хлестко вырисовывающие буйство и движения массы, — приписываем толпе, скопищу, а не отдельным лицам.

А судим отдельных лиц: толпа, как толпа, — ушла.

Подумайте над этим явлением».

По делу севских крестьян, усаженных на скамью подсудимых также по обвинению в массовых беспорядках, прокурор В. И. Сокольский оказался на высоте тех требований, какие предъявляет к государственному обвинителю закон, стал в процессе настоящим говорящим судьей.

Севские беспорядки в его глазах — «лишь отдельный эпизод картины, заставляющей страдать всякое сердце, любящее свою родину», и естественный результат той культурной и экономической беспомощности, на которую до последнего времени было осуждено крестьянство. Настаивая на необходимости снисходительного отношения к крестьянам, обвинитель просил вынести обвинительный приговор, так как «полная безнаказанность подорвала бы в крестьянах чувство порядка и явилась бы губельной для них самих».

Участвующие в деле адвокаты не оставили неразобранными ни одного защитительного довода.

Плевако поступил в сложившейся ситуации настолько неожиданно, что буквально ошеломил всех присутствующих.

«Гуманное обвинение обезоружило меня, многосторонне рассмотревшие дело мои молодые товарищи — обобрали меня. Как адвокату, мне не остается ничего сказать.

И я хочу просить вас, г.г. судьи, позволить мне преобразиться в одного из подсудимых, стать между ними и говорить не за них, а от лица их, их словами, их думами и чувствами».

Проникновенные слова, произнесенные Плевако от лица «частью безучастных, не уразумевающих того, что происходит между ними, частью испуганных» крестьян, во многом повлияли на то, что одни подсудимые были оправданы, другим — дано снисхождение при назначении наказания.

Полторачасовая речь в защиту князя Грузинского, обвиняемого в убийстве, произнесена Плевако без подготовки, к чему он был вынужден неожиданной позицией государственного обвинителя.

Нет никаких сомнений в том, что по данному делу произнесена именно такая речь, какая имеется в предлагаемом читателю сборнике: она застенографирована и опубликована впервые еще при жизни Плевако. Просто как-то трудно поверить, что законченное произведение ораторского искусства такой силы и сложности можно создать экспромтом.

Редкостное дарование Плевако было ясно всем его коллегам, в том числе и тем юристам, кто высказывал в его адрес отдельные критические замечания. «Подражать Плевако было, по моему мнению, невозможно, как нельзя подражать вдохновению», — писал А. Ф. Кони<sup>1</sup>.

Но восхищают не только речи Мастера. Нас поражают, буквально ошарашивают приговоры, за этими речами следовавшие. Приговоры, как правило, оправдательные. Выносились они судом присяжных.

Перед судом присяжных произносил свои речи великий русский адвокат Федор Плевако. К присяжным всегда относился с благоговением, подчас с умилением. Суд присяжных — кумир Плевако, а он — кумир суда присяжных.

Еще вчера мы считали, что и Плевако, и суд присяжных в нашей стране всецело принадлежат истории. Всех нас учили, что коллегия присяжных — обветшалый институт системы буржуазного правосудия. Оговорку, правда, делали: относительно менее реакционный институт. Но только относительно капиталистического общества. Да и для «них» — очень и очень относительно.

---

<sup>1</sup> Кони А. Ф. Избранные произведения. С. 444.

Потому что присяжные (как, кстати, и профессиональные судьи, прокуроры, адвокаты) — сплошь «наймиты и прислужники капитала». И значит — всегда оправдают буржуа и засудят трудящегося, тем более революционера. Иногда, впрочем, они взбрыкивают: в России, вот, Веру Засулич оправдали, в США — Анджелу Дэвис. Но это не в счет. Так, редчайшие исключения. Только подтверждают правило (о том, что оправдания в суде присяжных — норма, разумеется, умалчивалось). Мужественные защиты русскими адвокатами революционеров отрицать, конечно, было нельзя. Но и это, объясняли нам, нетипично — либо барская дурь, либо недомыслие.

«Если бы эти политические защитники, — писал Б. С. Утевский, — были дальновиднее и могли предвидеть Октябрьскую революцию, никто из них, я убежден, и слова бы не пикнул в защиту не только большевиков, но и эсеров и меньшевиков»<sup>1</sup>.

Нам внушали, что самая прогрессивная форма суда — это наши «тройки»: один судья — профессионал и два народных заседателя. Нас убеждали, что наш суд — самый гуманный и демократичный в мире... Оправдательные приговоры он, конечно, выносил редко, а в 70-е годы вообще перестал их выносить. Снисхождения подсудимым тоже оказывать не любил. Из наказаний предпочитал лишение свободы и не меньше, чем на 4–5 лет.

Почему? А потому, что не решает, как буржуазный суд, спор между обвинением и защитой, а борется с преступностью. Борется! В одном строю с прокуратурой и милицией. «Проклятое наследие прошлого» должно было исчезнуть к 1980 году. Не получилось. Преступность даже возросла. Поэтому тем более нельзя либеральничать.

В советском суде Плевако и его товарищи выглядели бы, разумеется, странно. И поначалу о них стремились вообще забыть. В 1929 году — году «великого перелома» — А. Я. Вышинский заявил, что русская присяжная адвокатура — «насквозь буржуазное учреждение», «отъявленное контрреволюционное сословие» и что «адвокатуры в прежнем, дореволюционном понимании этого слова у нас нет и быть не может».

После такого «авторитетного разъяснения» упоминания о дооктябрьской адвокатуре надолго исчезли из всех источников.

<sup>1</sup> Утевский Б. С. Воспоминания юриста. С. 147.

Первый сборник речей выдающихся русских адвокатов был издан только в 1957 году, вызвал большой интерес, но лишь как исторический памятник. Да и это издание вызвало беспокойство; для «троек» нужна была иная школа профессиональной защиты.

В предисловии к сборнику речей адвокатов с тревогой отмечалось: «...представление о речи адвоката иногда еще базируется на чтении речей дореволюционных присяжных поверенных, стремившихся при помощи эмоционального воздействия на присяжных заседателей добиться желаемого результата»<sup>1</sup>.

Что верно, то верно. Попытка эмоционально воздействовать на судей, борющихся с преступностью, в лучшем случае бесполезна, в худшем – может только раздражать.

И вот многократно обруганный суд присяжных, спустя семь десятилетий, вновь введен в нашей стране. Он возвращается как испытанная многовековым опытом наиболее прогрессивная, наиболее демократическая, без всяких оговорок форма организации правосудия. Он значительно прогрессивнее наших «троек», которые, конечно, никакое не открытие новейшей юридической мысли, а просто ухудшенный вариант так называемого шеффенского суда, где все вопросы решаются совместно судьями-профессионалами и народными заседателями (шеффенами). Шеффенский суд имеет столь же древнюю историю, как и суд присяжных, и – если не ставить перед ним несвойственные ему задачи типа борьбы с преступностью, искоренения правонарушений и т.п. – способен вполне удовлетворительно осуществлять правосудие.

Плевако не совсем справедлив к шеффенам, считая их лишними людьми, «которые приглашались заваривать чай для действительных судей». Но момент истины в этой нелестной характеристике есть. В совместной коллегии ведущая роль принадлежит судье-профессионалу. У него достаточно средств – авторитет, знание законов, судейский опыт, чтобы повлиять на шеффенов. Изначальное неравенство членов шеффенского суда таит угрозу сделать его управляемым: через судью-чиновника власти получают возможность добиваться угодных им судебных решений.

Что касается нашего суда, то он изначально замышлялся как орган управляемый, призванный проводить карательную политику государства. Отсюда и «всего трое»...

---

<sup>1</sup> Слово адвокату / под ред. К. Н. Апраксина. М., 1981. С. 5.

В отличие от шеффенов, присяжные решают вопрос о виновности подсудимого самостоятельно, без участия профессионального судьи, и вердикт свой не мотивируют.

Каков был тот, дореволюционный, суд присяжных?

Читатель сможет составить о нем достаточно полное представление из настоящего сборника. Надеюсь, оно будет сильно отличаться от суждений и оценок, прочно обосновавшихся на страницах советской, да и части нынешней политической и юридической литературы.

Адвокат Плевако своими речами, а суд своими приговорами легко разрушат расхожий предрассудок, будто присяжные — судьи впечатлений и чувств. Мало что уцелеет и от ложного стереотипа дореволюционного судебного оратора, щедро тиражировавшегося нашей печатью.

«Расположить к себе слушателей, настроить их так, **чтобы они больше подчинялись влиянию речи и порывам чувства, чем требованиям рассудка** (выделено мной. — Г. Р.), — вот в чем заключалась в дореволюционной адвокатуре основная задача судебного оратора»<sup>1</sup>, — такое можно прочесть не только в уже упоминавшемся предисловии к сборнику речей адвокатов.

Читая речь Плевако в защиту Кострубо-Карицкого, можно подумать, что он предвидел появление процитированного и подобного ему текстов и специально задался целью их опровергнуть.

«Я буду ждать вашего приговора с полным убеждением, что совесть, управляемая разумом и опытом жизни, познает истину.

Не поддавайтесь влиянию первых впечатлений: суд по инстинкту не может быть справедлив.

Лучший в мире, английский институт присяжных, перед которым склоняются все авторитеты науки, всегда руководствовался правилом — произносить обвинительный приговор над человеком только на основании строгих, точных, доказанных следствием улик, таких, которые заключали бы в себе неотразимую силу факта и убеждения...

Страстности было много в этом деле.

Но где — страсти, увлечения, там истина скрыта...

Будьте судьями разума и совести!»

---

<sup>1</sup> Слово адвокату. С. 5.



Редкостную возможность поиграть на расовых предрассудках и националистических инстинктах получил Плевако по делу Ильешенко — русского, обвинявшегося в убийстве еврея, тем более что яд шовинистической отравы в души *людей* уже начали вливать идеологи черносотенства. Саму мысль о таких приемах защиты Плевако с негодованием отвергает.

«...Боязнь моего соперника, чтобы настоящее дело не выступило на шаблонную и соблазнительную тропу расовой борьбы, чтобы здесь не было превращения печальной драмы в “погром еврейства” выведенной из терпения толпой коренного населения страны, — ...эта боязнь напрасна.

Защита в лице моем не забудет своих гражданских и общечеловеческих обязанностей и кровавую сцену не будет возводить в правовую норму жизни. Пусть кто хочет, но я-то не решусь, подняв руку, направлять страсти моих братьев по Христу на несчастных братьев моих по Адаму и Адонай-Саваофу. Я ищу суда, а не карикатуры на правосудие...

Здесь не Русь и еврейство, повторяю вам. На целую нацию клеветать — богохульство. Еврей не хуже нас может возвыситься до мудрости Натана, а своекорыстие и пороки Шейлока расцветают и на всякой иной почве, кроме еврейской».

Не на «голосе крови» и не на минутном чувстве основали присяжные оправдательный приговор Ильешенко. Оправдали потому, что разделили позицию защитника, доказавшего: убийство совершено в состоянии аффекта, до которого довел подсудимого своими преследованиями Энкелес. И еще потому, что проявили предоставленное им законом право милости. Могли не проявить. И не оправдать.

Милость... Это исчезнувшее из юридического языка, да и вообще из современного лексикона слово многое объясняет в природе того правосудия, какое осуществлял в России суд присяжных.

Судебные Уставы учредили суд «скорый, правый, милостивый». Суд «милостивый» — это о суде присяжных. Как писал в свое время С. А. Зарудный, член Особого комитета по подготовке Судебных Уставов, юрист, которому более других обязаны своим рождением на Руси и суд присяжных, и независимая адвокатура: «Правосудие в широком смысле требует не только твердости и непреклонности в решениях, но и глубокого знания всех мелочей

обыденной жизни и **снисходительности к неизбежным слабостям человека** (выделено мной. — Г.Р.)<sup>1</sup>.

У подобного взгляда на правосудие всегда были противники, считавшие, что «милостивый» суд подрывает единую законность в государстве. Среди них — немало видных и в целом прогрессивно мыслящих юристов. Так, с недоверием к суду присяжных относился перед судебной реформой В. Д. Спасович — будущий «король» российской адвокатуры, опасавшийся, что присущая русскому человеку склонность видеть в преступнике «несчастного» может вредно отразиться на правильном отправлении правосудия. Впоследствии, как отмечал А. Ф. Кони, жизнь и здравый смысл народа не подтвердили этих опасений, и Спасович, испытав русских присяжных заседателей на практике, твердо стал на их сторону<sup>2</sup>.

Различные точки зрения на существо правосудия покоятся на разных концепциях преступной вины и в конечном счете на разном понимании природы человека.

Согласно одной из этих концепций, практически безраздельно утвердившейся в нашей уголовно-правовой науке и законодательстве, вина выражается только в умышленном или неосторожном отношении вменяемого человека к своему деянию. Умышленном — когда человек сознает это деяние, желает или допускает наступление его общественно опасных последствий. Неосторожном — когда не осознает, но мог и должен был предвидеть.

Другая концепция, на которой и основывается «милостивый» суд, считает, что, помимо умысла или неосторожности, вина включает в себя еще и нравственную оценку, т.е. признание проявления в содеянном злой, порочной воли преступника.

Назвать виновным, признать преступником — значит нравственно заклеить личность. Бывают случаи, когда противоправный поступок совершается не по злой воле человека, когда гнет внешних обстоятельств столь велик, что человек не может ему противостоять и не в силах побороть. В подобных случаях присяжным дано право милости: они могут не признать виновным, не назвать преступником человека, который, по их убеждению,

<sup>1</sup> Главные деятели и предшественники судебной реформы / под ред. К. К. Арсеньева. СПб., 1904. С. 12.

<sup>2</sup> См.: Кони А. Ф. Избранные произведения. С. 427.

не был носителем злой воли и несмотря на совершение противоправного поступка не заслуживает нравственного упрека.

Отчетливо сознаю: читать такое непривычно. Давно уже дискуссии о человеческом измерении уголовно-правового понятия вины у нас не ведутся. Нравственная концепция вины предана многократной анафеме, как сеющая правовой нигилизм. Дореволюционные адвокаты, взывавшие к милости присяжных, традиционно клеймятся в нашей литературе как проповедники порочной идеи, что преступление является естественным, а во многих случаях единственным выходом из сложившейся ситуации<sup>1</sup>.

Все между тем не так просто. Уголовное законодательство стремится к тому, чтобы не допускать разрыва между законом и нравственностью. С этой целью в уголовные кодексы введены специальные нормы, исключаящие привлечение к ответственности и осуждение человека в тех случаях, когда закон нарушен, но общественная опасность деяния отсутствует. Это — невменяемость, необходимая оборона: человек причиняет вред, обороняясь от нападения; крайняя необходимость: совершением противозаконного действия предотвращается опасность, угрожавшая более важным общественным и личным интересам; уже упоминавшаяся малозначительность.

Выход суда за рамки этих содержащихся в уголовном кодексе норм есть беззаконие, говорят одни правоведаы. Нет, возражают им другие: жизнь исключительно сложна и разнообразна, в ней складываются подчас драматические ситуации, которые закон учесть не в состоянии, но могут оценить судьи, рассматривающие конкретное дело. Если они придут к выводу, что подсудимый оказался во власти тяжелейших, экстраординарных обстоятельств и в его действиях не было злой воли, у них должно быть право признать отсутствие вины и вынести оправдательный вердикт.

Суть одной позиции: закон должен быть соблюден при любых условиях.

Нельзя предъявлять человеку непомерных требований — существо другой.

Обе эти позиции столкнулись в деле Ильяшенко.

Государственный обвинитель сказал присяжным, что дело разрешается применением закона к бесспорно совершившемуся

---

<sup>1</sup> См., например: *Алексеев Н. С., Макарова Э. В.* Ораторское искусство в суде. Л., 1989. С. 128.

факту; что закон запрещает проливать кровь ближнего и что обходить требования закона никто, кому дорог общественный мир, кто призван служить ему, не имеет права.

«Слова и мысли — безусловно, истинные, — возражает прокурору Плевако, — но не вмещающие всей истины.

Обвинитель забыл, что закон наш, подобно законам всех, даже далеко опередивших нас в развитии стран, все важнейшие преступления, где человеку грозит неисправимая казнь, отдал на суд присяжных; что, несмотря на мастерство составителей закона, на многоопытность судей короны, он предпочитает суд людей жизни и опыта.

В чем причина подобного приема власти? Законодатель хочет судить волю, обуздывать волю, но отрекается от всякой солидарности с идеями тех времен, в которые думали, что для правды и мира в мире полезно, чтобы среди шума и суеты общественной жизни раздавались из подземелий тюрем и застенков приказов стоны жертв правосудия и наводили ужас на граждан, не напоминая им ничего другого, кроме того, что у власти есть и сила и средства давать знать о себе. Законодатель наших времен карает волю только тогда, когда совершенное ею зло могло быть преодолено или когда она, вместо попытки на борьбу с ним, с радостью, с охотой, по крайней мере без отвращения, бросилась на его соблазнительные призывы».

Защитник убеждает присяжных, что «усчитать вес давящих волю обстоятельств, смерить рост и силу духовную каждого отдельного человека закон сам не может: каждый из нас имеет свою особую духовную физиономию, как каждый из нас внешним обликом не похож на другого. И вот это-то живое созерцание он передает вам, живым людям. Только вы в силах в каждом отдельном случае, взвесив все данные, умея себя представить в обстановке подсудимого, — решить человечески безошибочно, что причиной падения вашего ближнего...

Не бойтесь быть милостивыми и не верьте тем, кто осуждает вас за это, говоря, что вы не имеете права милости».

Серьезны аргументы прокурора, но весомы и доводы защитника. Спор между двумя воззрениями, которые представляли процессуальные противники, думаю, исторически не завершен. Ему суждено возобновиться на новой основе, с учетом данных о чело-

веческой психике, накопленных наукой. Но не только. Убежден: также с привлечением религиозного опыта.

Милостивый суд может существовать в обществе, где господствует христианская культура с ее, как говорил Плевако, «милующим воззрением на человеческую природу, любвеобильным пониманием прирожденной слабости души», отделяющая падение подавленного злом от творящего зло.

Разные эпохи – разные культуры, разные системы ценностей.

Да, русские присяжные выносили оправдательные вердикты, которые не могли быть приняты с позиции «социалистической законности». Там, где присяжные оправдывали, наш суд лишь смягчал бы ответственность (да и то не всегда) – например, когда муж убивает в состоянии аффекта любимую жену, неожиданно застав ее в «пикантной» ситуации; или человек крадет деньги, чтобы купить дорогое лекарство и спасти тем самым близкого.

Но если бы суд присяжных не осознавал себя как милостивый суд, не была бы оправдана Вера Засулич. И если бы наше общество имело суд присяжных, не осуждались бы «антисоветчики», «шабашники», «церковники», «бескорыстные преступники», «парикмахеры» (крестьяне, состригавшие в голодные годы колоски колхозной пшеницы), самовольные застройщики. Впрочем, тогда общество просто было бы иным. Тоталитарный режим и суд присяжных – две несовместимые вещи.

Право милости – право учитывать при решении вопроса о вине специфические обстоятельства конкретного дела и соотносить это решение не только с нормами закона, но и с нравственностью. Отстаивая такое право, адвокат Плевако приглашает нас к дискуссии. Чего, однако, нет в его речах, так это оправдания преступления как «естественного выхода из сложившихся обстоятельств». Авторы, бросающие такой упрек дореволюционным адвокатам, либо не замечают, либо, скорее всего, замалчивают то обстоятельство, что вопросы о доказанности факта преступления и о вине подсудимого ставятся перед присяжными и решаются ими отдельно. Отвечая положительно на первый вопрос, присяжные могут отрицательно решить второй. В настоящем сборнике есть тому примеры: дело Ильяшенко, дело супругов Замятниных, дело Саввы Мамонтова, дело Максименко, дело Росковшенко.

По речам Плевако читатель может составить представление о многих сторонах деятельности адвоката, о нормах профессиональной адвокатской этики — по ряду из них не было и нет до сего времени единства ни среди ученых-юристов, ни у практиков.

Плевако предстает в настоящем сборнике в двух качествах: защитником — представителем обвиняемого и обвинителем — поверенным потерпевшего или гражданского истца. Как защитник, Плевако выигрывал большинство дел, но не все: по делам Маруева, Гаврилова, Московского ссудного банка, о беспорядках на Коншинской мануфактуре суд не разделил позицию адвоката и вынес подсудимым обвинительные приговоры. Были в практике Плевако и другие дела, по которым доводы защиты не убеждали суд. Но Плевако-обвинитель торжествовал на всех процессах. Не только тех, о которых читатель узнает из настоящего сборника, но именно — всегда.

Отмеченная закономерность не случайна, она объясняется различием в критериях выбора адвокатом дел. Право на защиту от предъявленного обвинения имеет каждый человек. Сколь тяжело это обвинение ни было бы, как бы неприглядно ни выглядела личность обвиняемого, адвокат не вправе отказаться его защищать, если только не занят в другом процессе, не болен, не находится в отпуске и т.п. Конечно, на всякого известного адвоката спрос превышает предложение: Плевако обычно имел широкую возможность выбора дел и, разумеется, предпочитал дела с позицией. Но, если был свободен, не отказывал в приеме поручений на защиту обвиняемым, чья виновность подтверждалась вескими доказательствами. Проводил Плевако защиту и по назначению суда.

Со стороны же потерпевших и гражданских истцов выступал лишь тогда, когда был абсолютно убежден в справедливости их притязаний.

«Заявляют иск разного рода люди, — говорит Плевако, отстаивая интересы гражданского истца Курбатова, — иные хлопочут о том только, чтобы выиграть свой иск, иногда даже несправедливый. Защита, готовая клеветать, явиться пособником такого человека, — позорна и нечестна».

Из речи в защиту Росковшенко можно увидеть, что не все приличные поверенные руководствовались в своей профессиональ-

ной деятельности такими нравственными критериями. Иные были весьма неразборчивы в выборе дел и соглашались поддерживать недобросовестные исковые требования. С возмущением и болью говорит Плевако в своей речи о таких адвокатах. В числе других лучших представителей русской присяжной адвокатуры Плевако внес вклад в формирование нормы профессиональной морали, утвердившейся впоследствии в адвокатской среде: поддерживать гражданский иск в уголовном деле адвокат вправе лишь тогда, когда убежден в правоте обратившегося к нему человека или организации.

Выступая поверенным гражданского истца, Плевако очень четко очерчивал границы интересов своих доверителей — добиться возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Ему, как никому другому, ведомо: суд присяжных может проявить милость и признать невиновным. Поэтому крайне важно разъяснить присяжным, что, оправдывая подсудимых ввиду отсутствия вины, нельзя отрицать сам факт преступления.

«Задача поверенного гражданского истца, — говорит Плевако в речи по делу супругов Замятниных, — заключается в удовлетворении его гражданского иска, и только в этих пределах я буду разъяснять перед вами настоящее дело».

«Для меня безразлично, останется ли обвиняемый в этом городе или будет сослан.

...Вся наша просьба заключается в том, чтобы вы рассудили, законны ли те документы, которые находились в руках Замятнина, — выданы ли они добровольно, как всякий честный акт, или же взяты силой из рук того, кому имущество принадлежало.

...К великому моему счастью я имел право не касаться Уложения о наказаниях; я шел дальше — я указывал вам факты, значительно смягчающие вину подсудимого.

...Никто не может лишать вас принадлежащего вам права помиловать его.

...Вам легко быть справедливыми, не позволив только человеку взять то, что ему не принадлежит.

...Милуя грешника, не давайте ему пользоваться плодами греха».

Ту же позицию отстаивает Плевако — поверенный гражданского истца по делу Харьковского Общества Взаимного Кредита:

«...Можно прощать подсудимым их вину, но никогда не следует оставлять в их руках того, что они виною приобрели; можно пощадить подсудимых, но никогда не следует щадить их больше тех, кому они причинили вред».

Весьма полезно будет прочитать речи Плевако — уверенно-го гражданского истца иным нынешним адвокатам, которые вместо обоснования ущерба, нанесенного преступлением, обрушиваются на подсудимого, порой превосходя в обвиняющем усердии прокурора.

Уголовная защита и нравственность... С момента появления на земле первого адвоката — в Древнем Риме, свыше двух тысячелетий тому назад — не прекращались, то затихая, то разгораясь, споры и моральности адвокатской профессии, о нравственной допустимости защиты любого и каждого обвиняемого. За такую работу может, конечно, взяться только неразборчивый, нечистоплотный, не испытывающий естественного отвращения к преступлениям человек — вот стойкий, неистребимый покуда предрассудок обыденного сознания. Как только в уголовном процессе возникла фигура профессионального защитника, в прессе замелькали уничижительные определения: «прелюбодеи слова», «софисты нового времени», «пособники преступников» и т.п. Сравните с расхожим выражением нашего времени — «выгораживание преступников»...

Профессия адвоката действительно требует вполне определенной жизненной позиции. И об этом говорит Плевако в одной из своих речей: «Профессия дает нам известные привычки, которые идут от нашего труда. Как у кузнеца от работы остаются следы на его мозолистых руках, так и у нас, защитников, защитительная жилка остается нашим свойством не потому, что мы хотим отрицать всякую правду и строгость, но потому, что мы видим в подсудимых по преимуществу людей, которым мы сострадаем, прощаем и о которых мы сожалеем».

Другое распространенное обвинение в адрес адвокатов было связано с их будто бы «гигантскими» гонорарами. Адвокат не состоит на службе у государства, его труд оплачивается клиентом по договору или таксе. Заработок начинающего присяжного поверенного был весьма скромен, если не сказать скуден; с приобретением опыта и расширения практики оплата, разумеется, воз-



растала; известные, тем более такие выдающиеся адвокаты, как Плевако, получали значительное вознаграждение.

Упреки любителей считать деньги в чужих карманах имели бы под собой почву, если бы размером гонорара определялось качество работы адвоката по делу. Но действительность свидетельствовала как раз об обратном. Многолетний председатель Петербургского совета присяжных поверенных К. К. Арсеньев писал: «Нельзя отрицать, что надежда на вознаграждение служит одним из стимулов адвокатского труда, как, впрочем, и всякого другого: но никто не замечал еще, чтобы делами малоценными присяжные поверенные занимались кое-как, обращая все свое внимание на дела более крупные.

Не говоря уже о сознании долга, самолюбии, желании успеха, опасении повредить своей репутации или подвергнуться ответственности перед советом — побуждения достаточно сильные, чтобы внушить присяжному поверенному одинаковую заботливость о всех делах, ему вверенных<sup>1</sup>.

Лучшей иллюстрацией сознания русскими присяжными поверенными своего профессионального долга служит бесплатная защита стремительно набиравшим известность Плевако обвиняемого Оскара Бострема, завершившаяся оправданием подсудимого. Потерпевшим по данному делу являлся коллега Плевако — присяжный поверенный Гольдсмит, попытавшийся подмочить репутацию защитника в глазах присяжных. Плевако принимает вызов: «...подозрение могло явиться у вас, г.г. присяжные, против меня, защитника, потому, что Гольдсмит в начале заседания заявил, что я собирался быть поверенным его, как гражданского истца.

Но я очень счастлив, что не искал, где глубже, где лучше, где больше дают: это видно из того, что я, слава Богу, защищаю по назначению от суда и, следовательно, никакого личного интереса, кроме душевного, сердечного расположения, в переходе из одного лагеря в другой не имел».

По знаменитому делу крестьян села Люторичи, защиту которых Кони охарактеризовал с учетом условий и настроений того времени как гражданский подвиг, Плевако сам вызвался выступить на процессе. Более того, он не только не взял гонорара, но в

---

<sup>1</sup> *Арсеньев К. К.* Заметки о русской адвокатуре. СПб., 1875. Ч. 1. С. 127.

течение всего процесса, длившегося три недели, нес расходы по содержанию всех 34 подсудимых<sup>1</sup>.

После публикации сборника речей Плевако, по всей видимости, придется расстаться с представлением о нем как о турнирном бойце, отличавшемся бурным натиском на противника, набрасывавшемся на него и буквально уничтожавшем страстью и темпераментностью<sup>2</sup>.

Плевако свойственна чрезвычайная опрятность всех приемов защиты, великодушие и благородство, исключительная тактичность в характеристике потерпевших, пусть даже недобросовестных.

«Суд — не война», — прямо излагает Плевако свое кредо в речи по делу Мордвина-Щодро и Оболенского.

Процесс принимает вид не истребления, а поединка между охраной закона и охраной личной чести.

Допускаемые в бою мины и засады, вылазки и диверсии здесь не у места: здесь они нарушают чувство меры».

«Следует спорить с доказательствами, а не с прокурором».

«Не следует касаться личности противника, даже если он сам нарушает это правило».

«Нет худшего приема защиты, как несправедливые придирки и нападки на потерпевших».

Кажется, что эти золотые правила уголовной защиты выведены П. Сергеевичем из речей Плевако<sup>3</sup>.

Рыцарь правосудия, «невольник чести», Плевако ждет благородства и объективности также от своего процессуального противника. Но сталкиваясь с тенденциозностью прокурора, с попытками подменить обвинительные доказательства общими рассуждениями об общественном вреде, негативными оценками личности подсудимого и свидетелей защиты, он не уподобляется государственному обвинителю и негодующим и обличительным выражениям предпочитает «сочувствующую» иронию.

Так поступает Плевако, например, в речи по делу об убийстве егорьевского купца Лебедева, отвечая прокурору, назвавшему сви-

<sup>1</sup> См.: Утевский Б. С. Воспоминания юриста. С. 161. В силу того, что речь Плевако на этом процессе была опубликована, она не включена в настоящий сборник.

<sup>2</sup> Такой облик Плевако рисует, в частности, в своих воспоминаниях Б. С. Утевский (С. 159).

<sup>3</sup> Сергеевич П. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 328, 325, 321.

детелей защиты – жителей г. Егорьевска, «целой фалангой людей, для которых ложь есть обыкновенное правило жизни». Обратив внимание суда на то, что все свидетели из г. Егорьевска – старообрядцы, придающие особое значение религиозной присяге, Плевако заметил: «С этой точки зрения упрек прокурора – в высшей степени нежизненный.., который должен пролететь мимо г. Егорьевска, как гроза, которая хотя по какому-то велению и налетела на город, но улетела в пустыню, не причинив городу вреда».

«Высшим пилотажем» в профессии адвоката признавалось и признается умение вести так называемую коллизионную защиту, когда между обвиняемыми существуют непримиримые противоречия – они изобличают друг друга в преступлениях, возлагают всю или большую часть вины на соседа по скамье подсудимых.

Долгими годами выковывалась норма профессиональной этики: защищая одного подсудимого, не обвинять, не уличать другого. Не всеми адвокатами она разделяется. Одни стремятся не превращаться в обвинителей даже тогда, когда между обвиняемыми разгорается настоящая война «на уничтожение». Другие отбрасывают заповедь «не обвиняй, защищая» как ложно-сентиментальную и не церемонятся в выражениях, доказывая, что преступление совершено не подзащитным, а другим подсудимым. Любая форма защиты допустима, если она полезна для клиента – вот смысл противоположной заповеди.

В январе 1871 года внимание общественности было приковано к Рязанскому Окружному Суду. На скамье подсудимых находились губернский воинский начальник, полковник Кострубо-Карицкий и его любовница Дмитриева. Им было предъявлено обвинение в краже ценных бумаг на крупную сумму и производстве незаконного аборта. Дмитриева заявляла, что организатором этих преступлений был Кострубо-Карицкий, она же вынужденно стала его пособницей. Кострубо-Карицкий виновным себя не признал, обличая Дмитриеву в клевете. Кострубо-Карицкого защищал Плевако, Дмитриеву – другой прославленный адвокат, князь Урусов.

«Знакомство с этим процессом, – писал А. Ф. Кони, – следовало бы рекомендовать всем начинающим судебным ораторам: из речей обоих противников они могут увидеть, как в стремлении к тому, что кажется правдой, глубочайшая мысль должна сливаться с простейшим словом, как на суде надо говорить *все*, что нужно, и

только то, «что нужно, и научиться, что лучше *ничего* не сказать, чем сказать *ничего*»<sup>1</sup>.

По мнению Кони, «трудно отдать преимущество в этом состязании кому-либо из двух бойцов»<sup>2</sup>. Как судебным ораторам — возможно. Но как адвокат по всем статьям бесспорный победитель — Плевако.

Дело не только в том, что суд присяжных разделил его позицию: все пять подсудимых были оправданы (к уголовной ответственности привлекались еще три врача).

Урусов выступил на процессе не столько как защитник Дмитриевой, сколько как еще один обвинитель Карицкого. Причем в этом качестве даже превзошел прокурора<sup>3</sup>.

Не случайно защитительная речь Плевако — ответ не столько государственному обвинителю, сколько Урусову. Ответ блестящий — парирующий все доводы обвинения.

Но правовая суть полемики открывается в совершенно неожиданном свете; полагаю, она не укроется от читателя. Защищая Карицкого, Плевако защищает тем самым и Дмитриеву, ведет процесс и к ее оправданию.

Парадоксально? Ничуть. А. Ф. Кони неточен, характеризуя рязанский процесс: «защита одной противоречила защите другого, так как обвиняемые складывали не только тяжесть своего поступка, но и побуждения к нему друг на друга»<sup>4</sup>. Дмитриева оговаривала Карицкого, но Карицкий не оговаривал Дмитриеву и ничего на нее не «складывал» — он категорически и последовательно отрицал свое участие и в краже, и в изгнании плода. Поэтому коллизия между подсудимыми была ложной. Обвинение держалось только на показаниях самой Дмитриевой, а они не только не подтверждались, но и опровергались другими доказательствами.

Строя защиту на показаниях Дмитриевой, Урусов исходил из признания доказанными фактов преступления. Изобличая в виновности Карицкого, он тем самым «ковал» обвинительный приговор — пусть, со снисхождением — и Дмитриевой.

<sup>1</sup> Кони А. Ф. Избранные произведения. С. 443.

<sup>2</sup> Там же. С. 442.

<sup>3</sup> С речью Урусова можно ознакомиться в кн.: Судебные речи известных русских юристов. М., 1957. С. 707.

<sup>4</sup> Кони А. Ф. Избранные произведения. С. 442.

Была у Урусова и другая возможность: вступить в спор со своей подзащитной, разоблачать ее самооговор, или, во всяком случае, указать на невозможность основывать обвинительный приговор на ничем не подтвержденных самообвиняющих показаниях подсудимого.

Адвокат — представитель обвиняемого. Он ни при каких обстоятельствах не может действовать ему во вред. Если обвиняемый отрицает свою вину, адвокат обязан строить защиту, исходя из этой позиции. Положение меняется, когда обвиняемый свою вину признает, а адвокат убежден, что он себя оговаривает. Тогда адвокат не только вправе, но и обязан разойтись в позициях с подзащитным и защитить подсудимого от себя самого. Но только, когда убежден!

Был ли убежден Урусов в невинности Дмитриевой, в ее самооговоре? Кто знает? Поэтому мои рассуждения об имевшейся у него альтернативе носят в значительной мере гипотетический характер... Как бы то ни было, защита, превратившаяся в обвинение, потерпела неудачу. Победу праздновала защита, неуклонно следовавшая нормам адвокатской этики.

Профессиональная мораль регулирует и другие вопросы взаимоотношений адвоката и клиента. Процессуальная солидарность вовсе не означает, что адвокат становится слугой, «рупором» своего клиента. Прежде всего адвокату воспрещается фальсифицировать доказательства: подговаривать свидетелей дать ложные показания, запугивать их, подделывать документы и т.п. Этот вопрос сомнений не вызывает. Более сложен другой вопрос: вправе ли адвокат строить защиту на доказательствах, ложность которых ему известна, называть достоверными сомнительные данные? Плевако и тут показывает пример: негоже защитнику говорить заведомую ложь, незачем выдавать сомнительные данные за достоверные, хоть этого и требует подзащитный.

«Едва настоящее дело, в силу закона, перешло в мои руки, — говорит Плевако в речи по делу Лукашевича, — как подсудимый слишком хорошо понял и узнал, что на такие сомнительные данные представитель его на суде ссылаться не будет; что представитель его на суде не возьмет на свою совесть, не будучи внутренне убежден, клеветать на покойную женщину».

Сомнительные данные и должны быть названы сомнительными. Такая правда вовсе не ослабляет защиту, как иногда ошибочно

считают. Сомнение в оправдательном доказательстве означает и сомнение в противостоящем ему доказательстве обвинительном. А сомнения, как известно, толкуются в пользу обвиняемого.

Нет, не во вред, а на пользу подсудимым идут нравственность защиты, благородство адвоката, его уважительное отношение ко всем участникам процесса, такт и порядочность в оценке личности и показаний потерпевших и свидетелей обвинения.

Плевако отличает чувство величайшей ответственности перед человеком, вверившим ему свою судьбу. Он познал себя, сознает свой бурный темперамент и вполне отдает себе отчет в том, что в пылу судебного состязания способен не сдержаться, сказать неосторожное, обидное слово, оказаться несправедливым к прокурору или свидетелю обвинения и тем самым вызвать негативную реакцию у присяжных. Не за себя переживает адвокат — за подзащитного. Такая тревога звучит в его реплике государственному обвинителю по делу С. И. Мамонтова: «Между положением прокурора и защитника — громадная разница.

За прокурором стоит молчаливый, холодный, незыблемый закон, а за спиной защитника — живые люди.

Они полагаются на своих защитников, взбираются к ним на плечи, и... страшно поскользнуться с такой ношей!

Если я сказал лишнее слово, я сам должен держать и ответ: на меня негодование, но ни одной стрелы — туда!»

Плевако — адвокат-универсал. С равным успехом ведет он защиты по делам разных категорий: убийствам и растратам, оскорблениям и подлогам, клевете и кражам, ограблениям и злоупотреблениям по службе, халатности и массовым беспорядкам. В одних делах на первом плане спор о фактах, опровержение представленных противной стороной доказательств; в других — оспаривание правовой оценки деяния; в третьих — анализ обстоятельств, влияющих на степень вины и меру ответственности подсудимого.

Речь Плевако в защиту купца Лебедева, обвиняемого в убийстве отца, может быть отнесена к числу образцовых по так называемым «уликовым» делам. Каждое косвенное доказательство в отдельности допускает самые разные истолкования. Соединенные в совокупность, они способны приобретать колоссальную силу и превосходить убедительностью прямые доказательства. Разбивая цепь улик, показывая, что обвинитель представил суду,

как говорил Робеспьер, «призрак доказательств», Плевако вводит в опровержение личностный, нравственный элемент.

Согласуются ли с личностью подсудимого приписываемые ему деяния, какой смысл заключается для него в преступлении, каким мотивом он руководствовался, к какой цели стремился? Пока не даны удовлетворительные ответы на эти вопросы, о доказанности обвинения говорить нельзя, утверждает в своих речах Плевако.

В теории судебных доказательств утвердилась точка зрения о том, что сами по себе нравственно-психологические свойства личности не могут служить ни доказательствами вины, ни доказательствами невиновности. Думается, такое обобщение все же слишком абстрактно. Вряд ли можно возвести в общее правило и суждение, высказанное Плевако в речи по делу Лебедева: «Нравственным уликам нужно давать предпочтение перед вещественными. Нравственная улика при изучении характера человека ближе разрешает вопрос».

Все решает специфика конкретных случаев. Есть дела, в которых качества личности приобретают большое, подчас решающее доказательственное значение. Лучшим тому подтверждением служат и дело Лебедева, и дело Санко-Лешевича, обвиняемого в подстрекательстве к убийству, и дело Гаврилова, которого Плевако защищал от обвинения в подделке денежных знаков.

«Внутренний мир человека — это такой же факт, как и внешние деяния...

20—30 лет честной, безукоризненной жизни человека должны заставить задуматься, быть осторожнее к показаниям, которым приписывается обвиняемому делу, настолько темное, что решиться на него можно было бы лишь при испорченности нрава».

С этим нельзя не согласиться.

Самый, пожалуй, страшный враг правосудия — оговор. Разнообразны его мотивы. Со стороны соседей по скамье подсудимых чаще всего — стремление уменьшить свою вину, поделить ее с другими. Со стороны свидетелей — желание отвести подозрение от близкого человека, корысть, месть, зависть, стремление избавиться от соперника или конкурента.

Плевако, как и любому адвокату, приходилось бороться с оговором по многим делам — и как защитнику, и как представителю

гражданского истца. Обращает на себя внимание прием, к которому он прибегает. Обычно адвокаты, разоблачая оговор, клеймят свидетеля как лжеца, так сказать, пригвождают его к позорному столбу. Плевако в ряде процессов также обнажает низменные мотивы, которыми движим оговорщик. Но по другим делам он, напротив, поднимает свидетелей в глазах судебной аудитории и в их собственных глазах, убедительно показывая: ложь в их устах случайна, вызвана исключительной ситуацией, по-человечески понятна, вымышленные факты противоречат нравственному облику свидетеля. Разоблачительный эффект от такого приема намного увеличивается.

«Таким образом Марья Алексеевна своим рассказом только прикрывает грех своего мужа, — объясняет Плевако ложные показания свидетеля Замятниной. — Ста тысяч рублей Курбатов ей дать не мог.

Прежде всего не мог он сделать этого потому, что она лучше тех женщин, которым платят деньги... Замятнина стоит на такой высоте, которая не позволяет женщине падать до продажи своей любви и ласки».

Своими речами Плевако дает адвокатам совет, позже вошедший в книгу П. Сергеича: «Старайтесь сделать каждого свидетеля противника своим свидетелем»<sup>1</sup>.

Отстаивая невиновность подсудимого, Плевако не оставляет неразобранным ни один довод процессуального противника, тщательному анализу подвергается каждое обвинительное доказательство. По делам о преступлениях против личности это главным образом свидетельские показания. По делам об экономических преступлениях на вооружении у обвинения показания специалистов, сведущих лиц, заключения экспертов.

Плевако противопоставляет им свои глубокие познания в области банковского дела, финансового права, проникновение в существо той сферы экономических отношений, с которой связано обвинение.

По делу С. И. Мамонтова Плевако обосновывает право предпринимателя на коммерческий риск, успешно доказывает, что неудавшийся замысел, неоправдавшийся расчет не могут составить уголовно-правовой вины. По делу Московского ссудного банка

<sup>1</sup> *Сергеич П.* Искусство речи на суде. С. 191.